

R 25090  
R 1



~~789~~

Л. Н. Е — вѣ.

~~85-1~~

И(ИТАЛ)-12  
Н418

E12-5  
+  
A

# БОРЬБА И ЛЮБОВЬ.

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

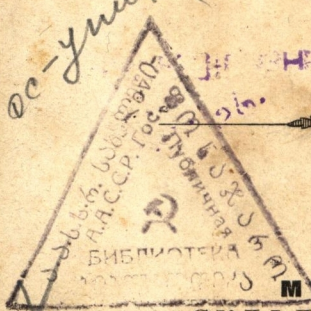
Ады Негри.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЯ ПОРТРЕТА.

3312

35912

ос-учит



МОСКВА.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

при книжномъ складѣ Д. П. Ефимова, Москва, Тверская, д. Бахрушина, бывш. Мятлева.

1900.

1957

## ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Приступая къ первому опыту изданія въ Россіи стихотворныхъ переводовъ Ады Негри, я долженъ заявить, что для полной характеристики итальянской молодой поэтессы, я выбралъ изъ ея всѣхъ сборниковъ самыя разнообразныя произведенія. Многіе критики ея, и въ томъ числѣ извѣстный нѣмецкій историкъ литературы Гейзе, упрекали ее въ однообразіи и крайней скудости мотивовъ ея музыки; своимъ сборникомъ я хочу доказать русской публикѣ насколько критики Ады Негри неправы и лишены чуткости. Разнообразнѣе дарованія Ады Негри трудно себѣ представить! Рядомъ съ самой грубой, только опозитизированной великимъ талантомъ поэтессы, правдой, какая въ произведеніяхъ Негри глубина мысли, какое глубоко-вѣрное мирозерцаніе, какое знаніе самыхъ заповѣдныхъ уголковъ человѣческой души! Ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ не достигалъ еще въ своемъ творествѣ такого совершенства, чтобъ такъ „вѣрно и сильно ударить по сердцамъ“



нашего современнаго постепенно «каменѣющаго общества». Приложенный къ моему сборнику біографическій очеркъ составленъ мною: 1) на основаніи моей статьи объ Адѣ Негри, 2) буквальныхъ выписокъ изъ статей: «Русск. Вѣд.» (М. Ватсонъ), «Нивы» (П. Вейнбергъ), «Нов. Врем.» (В. Булгаковъ), «Русс. Мысли» (С. Кавось-Дехтерева), «Міра Бож.» (В. Фриче). Всѣ же стихотворные переводы, помѣщенные здѣсь, принадлежатъ мнѣ; многіе изъ нихъ были первоначально помѣщены въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

А. Н. Е—вз.

---



## Ада Негри.

---

Ты же не трудился, свѣтскій обожатель,  
Ты живешь и видишь даромъ солнца свѣтъ;  
Ты и такъ заласканъ, счастья искатель...  
Уходи... Презрѣнье—для тебя отвѣтъ.  
(Смотри стих. „Работалъ ли ты?“ Ады Негри.)



## КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

---

«Работалъ ли ты?—спрашиваетъ Ада Негри въ одномъ изъ своихъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній у своего возлюбленнаго, и, узнавъ, что нѣтъ, прогоняетъ его отъ себя, какъ недостойнаго ея знойнаго, но честнаго сердца. Это «стихотвореніе-допросъ» самый основной мотивъ творчества итальянской поэтессы. Сердце ея совсѣмъ не на сторонѣ господъ, богачей, фабрикантовъ, предпринимателей, въ большинствѣ случаевъ черствыхъ эгоистовъ и трутней; ея сердце всецѣло принадлежитъ трудящемуся классу. Она даже любитъ рабочаго и мечтаетъ выйти за него замужъ. Но ея любовь далека отъ чувственнаго и низменнаго инстинкта, яркой изобразительницей котораго у насъ въ Россіи, къ сожалѣнію, явилась недавно тоже женщина, г-жа Лохвицкая. Ея патологическая поэзія набилъ всѣмъ оскомину своими нескромными и всегда взятыми напрокатъ изъ древнихъ поэтовъ отжившими образами, совершенно, справедливо говоря, ею обезображенными. Но бесѣдовать о г-жѣ Лохвицкой и прочихъ ея

мелкихъ соратницахъ не приходится: кто изъ серьезныхъ, даже русскихъ людей интересуется ихъ игрушечной и шансонетно-конфеточной поэзіей? Имя же и пѣсни изобразительницы настоящей, возвышенной любви у всѣхъ на устахъ и не умреть до тѣхъ поръ, пока будутъ жить настоящая культура и настоящая гениальная поэзія.

Во всѣ времена и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ были поэтессы, и ихъ имена съ почетомъ внесены въ исторію литературы. Но еще не было до сихъ поръ примѣра, чтобы какая-нибудь юная писательница немедленно послѣ появленія своихъ первыхъ произведеній была признана самою выдающеюся поэтессою своего отечества. Однако же это случилось съ Адою Негри, молодою итальянкой, которая, происходя изъ низшихъ слоевъ народа, среди нужды и бѣдности проложила себѣ путь къ неувядаемой славѣ.

Ада Негри, дочь фабричнаго рабочаго въ Лоди, родилась 3 февраля 1870 года и провела свое дѣтство среди самой горькой нужды, но зато окруженная нѣжною любовью своей матери, которой она въ прекраснѣйшихъ изъ своихъ стиховъ воздвигла вѣчный памятникъ. Ада Негри испытала все: горе, заботы, нужду, нищету, даже голодъ, но въ своей матери видѣла трогательный образецъ самоотверженной любви, неутомимаго прилежанія и покорности своей судьбѣ. И эти качества ея матери превратилась въ Адѣ Негри

въ пламенную любовь къ людямъ, въ неутомимую энергію; только покорность судьбѣ не нашла мѣста въ ея юномъ сердцѣ. Стихи Ады Негри проникнуты искренностью и правдой; въ нихъ нѣтъ изысканныхъ и искусственныхъ чувствъ, никакой погони за безсодержательнымъ риѣмованнымъ сладкозвучіемъ; въ нихъ высказывается теплая и серьезная душа молодой дѣвушки, которая много выстрадала, претерпѣла много лишеній, и одарена талантомъ — выражать свои страданія въ поэтическихъ образахъ и звукахъ. Это и было главною причиною успѣха ея книгъ не только въ подлинникѣ, но и въ переводахъ, которые, какъ, на примѣръ, въ Германіи, выдержали въ короткое время уже два изданія.

Этого успѣха Негри заслуживаетъ потому, что она въ самомъ дѣлѣ можетъ занять одно изъ выдающихся мѣстъ среди теперешнихъ, новыхъ европейскихъ поэтовъ — такова сила ея мысли, свѣжесть и искренность ея чувства. Дарованіе ея совсѣмъ мужское, даже въ вопросахъ психологіи сердца. Вообще же это дарованіе отдано ею на защиту слабыхъ и угнетенныхъ: для Негри всего ближе народъ, его жизнь, его мысли и чувства, какъ было уже сказано въ началѣ статьи. Затѣмъ по направленію она имѣетъ кое-что родственное съ нѣмецкою поэтессою Юганною Амброзіусъ, явившейся въ послѣднее время (только далеко превосходя ея силою таланта и широтою горизонтовъ), отчасти же съ современнымъ



американцем Уайтмэномъ, поэтомъ труда и демократіи.

Внутреннее искреннее чувство трогаетъ каждое сердце, способное къ сочувствію, и при чтеніи стиховъ Ады Негри мы забываемъ, что они написаны чужестранкой, такъ какъ проникающее ихъ чувство есть чувство общечеловѣческое, вслѣдствіе чего эти стихи даже въ переводѣ дѣйствуютъ на сердце читателя, несмотря на всѣ недостатки, въ большей или меньшей степени присущіе всякому переводу, въ которомъ невозможно передать всѣхъ оттѣнковъ подлинника.

Это старая истина, приложимая ко всѣмъ истиннымъ поэтамъ; но для Ады Негри эта способность волновать души людей безъ различія сословій и національностей тѣмъ паразитнѣе, что молодая поэтесса настоящее дитя народа и достигла высшаго образованія своею собственною энергіей.

14-лѣтняя Ада попала въ женскую нормальную школу въ Лоди, приготовляющую народныхъ и городскихъ учительницъ. Въ разказахъ Матильды Серао, получившей образованіе тоже въ одной изъ подобныхъ учительскихъ семинарій (въ Неаполѣ), живо описано, съ какою наивною довѣрчивостью большинство дѣвушекъ, посѣщающихъ эти школы, глядитъ на ожидающую ихъ будущность, какъ мало въ сущности онѣ требуютъ отъ судьбы. У д'Амичиса, превосходнаго писателя, слишкомъ еще мало оцѣненнаго внѣ Италіи,

въ его книгѣ о школьномъ учителѣ (помѣщавшейся года два назадъ въ русскомъ переводѣ въ «Наблюдателѣ»), рисуется истинно безотрадная, придавленная жизнь сельскихъ учителей и учительницъ въ Италиі, кое-какъ влачащихъ свое существованіе среди невзгодъ всякаго рода. Они сами и судьба ихъ зависятъ отъ капризовъ деревенскихъ властей, отъ пересудовъ жителей глухихъ мѣстечекъ, куда ихъ заброситъ случай. Скверное, жалкое помѣщеніе, задержка мизернаго жалованія, вѣчныя сплетни и доносы, грубость и равнодушіе родителей, жестокость воспитанниковъ, возможность всегдашней пересылки съ одного конца страны на другой, невозможность найти умственную и нравственную поддержку, часто голодовка—вотъ картина жизни школьныхъ учителей въ Италиі, картина, впрочемъ, знакомая и намъ.

Эти непривлекательныя условія пришлось испытать Негри, когда она, еще 15-лѣтней дѣвушкой, попала учительницей въ женскую школу въ Кодонѣ, гдѣ получала 20 лиръ въ мѣсяцъ и помѣщеніе. Черезъ годъ ее перевели въ другое мѣсто, въ Мотта-Висконти,— маленькое, глухое и заброшенное ломбардское мѣстечко, почти у границы съ Швейцаріей. Когда ея стихи обратили на нее вниманіе и лица, заинтересовавшіяся ею, попали къ ней, то нашли ее именно въ лачугѣ съ окнами, заклеенными бумагою, потому что въ нихъ не доставало стеколъ, въ лачугѣ, гдѣ



ларь съ книгами служилъ диваномъ и, кромѣ стола и нѣсколькихъ соломенныхъ стульевъ, вовсе не имѣлось мебели. Но ея вѣра въ себя и въ торжество справедливости вообще—заставляли ее, какъ сама она говоритъ въ своихъ стихахъ, равнодушно и съ достоинствомъ переносить всѣ внѣшнія бѣды, неудобства и горести. Она знаетъ, что скорбень путь поэта, что таковъ путь большинства талантовъ. Она знаетъ, что ея удѣломъ будетъ горестъ, но эта горестъ «не поддастся и не уступитъ ничему: сражаясь, она поднимается до божества; это божественное свойство выказаль еще Прометей, прикованный къ дикой скалѣ. «Мой звонкій стихъ несется мрачно надъ поблѣднѣвшею толпой,—говоритъ она,—подобно раненой орлицѣ, направившей полеть къ холоднымъ ледникамъ». Но орлица эта не умираетъ; напротивъ, крикъ ея звучитъ побѣдно, пробуждая мужество и энергію въ тѣхъ, кто теряетъ ихъ. Она привѣтствуетъ «обнаженную грудь и мускулистыя руки» рабочаго, трудами котораго создается современная цивилизація, привѣтствуетъ «разсѣянную, трудовую, великую человѣческую семью, надъ которою наконецъ встанетъ и заблеститъ вѣчное солнце, «безсмертный и ясный взглядъ Бога». Какая разница съ воззрѣніями Леопарди! Тотъ тоже былъ поэтомъ горя, но пришелъ къ одному заключенію, что жизнь безцѣльна; «все на свѣтѣ ничтожно, неизмѣнно только несчастье».



Негри, росшая — по собственному призна-  
нію — въ нищетѣ, «плакавшая отъ голода и  
холода», выросшая «въ мрачной атмосферѣ,  
но съ жестокою ностальгіею по солнцу», ви-  
дѣвшая какъ бѣдники умиряютъ на улицѣ и  
въ госпиталяхъ, какъ распадается семья ра-  
бочаго, погибшаго на работѣ, какъ ремень  
машины захватываетъ зазѣвавшагося чело-  
вѣка и калѣчить его, какъ получаютъ чахотку  
на непосильной работѣ; видѣвшая вокругъ  
себя всякія несчастья и бѣды, не могла остаться  
равнодушной къ горестямъ страдающаго люда,  
не могла прійти къ пессимизму Леопарди.

Напротивъ, дочь народа, кровь котораго  
она «съ гордостью чувствуетъ въ своихъ жи-  
лахъ», она убѣждена, что перенесетъ всякіе  
удары, одолѣетъ самую мрачную долю. Рабо-  
тайте, — говоритъ она людямъ, — не падайте  
духомъ, не склоняйтесь передъ вашею судь-  
бою: вы создадите ее сами; сохраняйте чис-  
тоту сердца и крѣпость рукъ, помните о ва-  
шихъ обязанностяхъ, будьте умѣренны въ  
вашихъ желаніяхъ, вѣрьте, надѣйтесь и лю-  
бите, потому что любовь поддержитъ ваши  
силы, и особенно въ минуту горести.

Эти рѣчи, бодрья и энергичныя, далеки, —  
какъ видитъ читатель, — отъ желанія возбу-  
дить ненависть классовъ, которое нѣкоторые  
критики нашли было у Негри. Ознакомясь  
съ новымъ для нея міромъ, когда она, на-  
онецъ, впервые въ своей жизни увидала на-  
стоящій большой городъ — Миланъ, послѣ

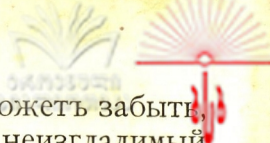


того, какъ расширились ея горизонты, идеи ея не измѣнились, и во второмъ сборникѣ «Бури», явившемся въ свѣтъ уже послѣ, судя по общему характеру ея дарованія и мыслей, идеалы ея не измѣнятся, симпатія будутъ расти и расти ко всѣмъ «униженнымъ и оскорбленнымъ».

Итальянская литературная критика упрекнула ее въ неискренности, потому что эта критика сама черезчуръ отстала. Ей представляется слишкомъ уже страннымъ, чтобы молодая дѣвушка могла думать не о любви или въ крайнемъ случаѣ о красотахъ природы, но интересоваться тяжелою дѣйствительностью. Ее даже упрекнули въ недостаткѣ живости фантазіи, такъ какъ она-де всегда имѣетъ надобность въ какомъ-нибудь внѣшнемъ поводѣ, который пробудилъ бы ея воображеніе. Упрекъ, который впору однимъ только педантамъ, не имѣющимъ понятія ни о ходѣ творчества вообще, ни о томъ, въ чемъ состоитъ истинная сила поэзіи, извлекающей и самый свой смыслъ и право на существованіе непосредственно только изъ житейской правды. Простые читатели стиховъ Негри поняли и оцѣнили ея стихи и безъ помощи подобныхъ литературныхъ разъясненій и не поставили ей въ упрекъ то, что она черпаетъ вдохновеніе изъ дѣйствительности. Ада Негри можетъ сказать про себя какъ лордъ Байронъ: «я проснулся однажды и былъ знаменитъ». Доморощенная критика была забыта.

Не только, повторяю опять, на родинѣ, но и далеко за предѣлами Италиі отнеслись съ симпатіей и восхищеніемъ къ выдающемуся таланту юной поэтессы, — бѣдной сельской учительницы въ Мотта-Висконти, — маленькомъ мѣстечкѣ недалеко отъ Милана.

Стихотворенія ея были переведены на многіе языки — и теперь всюду знаютъ замѣчательную итальянскую поэтессу, которая родилась и выросла въ бѣдности и горестяхъ, но, не пугаясь, смотрѣла прямо въ лицо своей судьбѣ, и держа высоко голову, отважилась взять на себя веденіе дѣла обездоленныхъ, забытыхъ и несчастныхъ, отважилась въ энергичныхъ и смѣлыхъ пѣсняхъ бороться за страдающее человѣчество и явиться чѣмъ-то въ родѣ вдохновеннаго народнаго трибуна. Какъ извѣстно, послѣ появленія перваго сборника ея стихотвореній жизненные обстоятельства писательницы сильно измѣнились къ лучшему, ей улыбнулась слава, она окружена теперь поклонниками и почитателями и матеріально обезпечена. Тѣмъ не менѣе Ада Негри все-таки продолжаетъ воспѣвать «несчастныхъ, забытыхъ и безрадостныхъ». И это вполне понятно. Внѣшнія обстоятельства ея могли, конечно, измѣниться, но не душевный ея складъ. Пусть терніи на ея пути сгладились, и онъ усыпанъ теперь цвѣтами, но Ада Негри родилась и прожила до 22-хъ лѣтъ въ бѣдности и горѣ, она успѣла уже много выстрадать сама и, главное, успѣла насмотрѣться на



чужія страданія, которыхъ не сможетъ забыть, которыя оставили въ ея душѣ неизгладимый слѣдъ. Поэтому, какова бы ни была внѣшняя ея обстановка, все же поэтесса продолжаетъ смотрѣть на мѣръ глазами, полными слезъ. Правда, являются кой-гдѣ и просвѣты, встрѣчается мечта о любви, открывающая поэтессѣ волшебные свои замки, у нея бывають здѣсь часы отдыха и спокойствія, — но преобладающій тонъ—все тотъ же. Черныя видѣнія окружають Аду Негри, и у нея вырывается чаще всего мужественный и гордый крикъ страданія.

Предметомъ ея почти всѣхъ произведеніи служатъ по большей части—фабрика, поля, засѣянные рисомъ, рудники,—и вообще всѣ малые и скромные сего міра, тѣ, которые представляютъ собою лишь безыменныя цифры, затерянные одиночками въ безчисленной дѣйствующей арміи, снабжающей насъ хлѣбомъ. Вотъ ея избранники и любимцы. Она стремится къ нимъ родственной душой, считая ихъ достойными какъ поэтического вдохновенія, такъ и пламеннаго состраданія. Лично для себя она не пугается невзгодъ и бѣдъ. Натура энергичная и мужественная, она смѣется даже надъ такимъ бичемъ, какъ нужда и нищета. Въ сильномъ стихотвореніи съ полунасмѣшливымъ и гордымъ заглавіемъ: «Здравствуй, нищета!» она съ горькимъ юморомъ, только усиливающимъ дѣйствіе ея словъ, описываетъ свою тяжелую судьбу, передаетъ, какъ ужасное привидѣніе нищеты грозитъ по-

губить ея силу и надежды. Но скоро мы видимъ, что она храбро защищается и побѣждаетъ въ борьбѣ для того, чтобы воспѣть «гимнъ хвалы жизни». Ея страсть, ея религія—трудъ.

Но не всегда она сурова. Сердце ея полно нѣжной, глубокой и почтительной любви къ матери. Чувство это сказывается ярко во многихъ ея стихотвореніяхъ. Также страстная, здоровая любовь къ природѣ и тонкое пониманіе ея Адой Негри доказывается ея стихотвореніемъ, гдѣ она даетъ замѣчательное описаніе солнечной жары въ ломбардской равнинѣ, а также и многими другими,

Но преобладающимъ чувствомъ въ душѣ поэтессы все же остается безконечная, искренняя любовь къ обездоленнымъ, безрадостнымъ и страдающимъ, — и выше всего чтить она добродѣтель самопожертвованія. Видя, какъ другіе изнываютъ подъ игомъ бѣдности, какъ тяжесть труда приводитъ ихъ подчасъ къ преждевременной смерти, Ада Негри развиваетъ ту мысль, что рабочіе вообще представляютъ собою безчисленную армію солдатъ, сражающихся въ безвѣстности, при чемъ, какъ для побѣжденныхъ, такъ и для побѣдителей равнодушный свѣтъ не имѣетъ ни одного взгляда. Ада Негри слышитъ со всѣхъ сторонъ суровый голосъ несчастья; кругомъ нея носятся, словно бурный ураганъ, жалобы, стоны и крики страдающихъ и обездоленныхъ.

Въ видѣ характеристики личности молодой





поэтессы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь отрывокъ изъ ея письма, напечатаннаго въ итальянской газетѣ къ г-жѣ Пигорини-Бери. Это письмо было вызвано полемикой, загорѣвшейся по поводу фразы, сторяча сказанной Адой Негри, будто бы въ предисловіи къ ея сборнику «Предопредѣленія» — все невѣрно».

— Девизомъ, — пишетъ Негри я избрала слова Зудермана: «Работай, художникъ, и не болтай». Вотъ почему, говоря откровенно, я долго колебалась, вступать ли мнѣ или нѣтъ въ полемику, поднятую вами. Такія эгоистическія личныя объясненія кажутся мнѣ, — простите, сеньора, — до того бесполезными, до того ничтожными, до того... унижительными. Но такъ какъ въ полемикѣ, начатой вами, слишкомъ близко затронута одна благородная, искренняя и великодушная сеньора, которую я и люблю и уважаю, — г-жа Софія Бизи-Альбини, — я считаю необходимымъ вступить въ дѣло.

— Итакъ, сеньора, да, я объявляю и утверждаю громогласно, что дѣйствительно въ одномъ моемъ письмѣ употребила надѣлавшую теперь такъ много шуму фразу: «все невѣрно въ предисловіи къ «Fatalita». Но эту фразу я написала тотчасъ же послѣ появленія моего сборника, т.е. подъ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ во мнѣ тѣмъ, что *безо всякаго моего вѣдома*, въ видѣ предисловія къ моимъ стихотвореніямъ, была пере-

печатана статья г-жи Альбини-Бизи. Я говорю *должно* впечатлѣніемъ, не отрицая этимъ ту живую и глубокую благодарность, которую я почувствовала къ автору, когда эта статья появилась.

— Я написала эту фразу подъ вліяніемъ и въ минуту разныхъ горькихъ и тяжелыхъ ощущеній, написала ее преувеличивая и не предвидя того, что два года спустя такая сеньора, какъ вы, могла бы прочесть эти слова мои и построить на нихъ цѣлое зданіе, которое въ настоящее время должно рушиться.

— Зданіе это должно рушиться потому, что я печатно, во всеуслышаніе, беру назадъ сказанныя мною слова и объявляю: «Въ предисловіи къ моей книгѣ дѣйствительно нѣкоторыя подробности прикрашены, а именно то, что въ окнахъ моей школы вмѣсто стеколъ была навощенная бумага, что утки купались тамъ у меня во дворѣ, что единственной мебелью въ квартирѣ у меня былъ сундукъ, что газеты и журналы лежали на полу, что я ни разу въ жизни не была въ театрѣ, и еще кой-что, чего я не припомню въ настоящую минуту. Но истина,—святая истина,—тѣ страданія, которыя мнѣ пришлось вынести въ дѣтствѣ, тѣ нѣсколько лиръ въ мѣсяць, на которыя мнѣ приходилось существовать въ Мотта-Висконти, такъ какъ почти три четверти моего скромнаго жалованья сельской учительницы я должна была посылать мате-



ри, жившей въ Лоди и прикованной къ кровати продолжительною и тяжелою болѣзною; истина, святая истина—слезы, горючія слезы, пролитыя мною надъ личными моими страданіями и надъ страданіями моихъ согражданъ, погибавшихъ на моихъ глазахъ отъ голода и миланской проказы. Истина, святая истина — искренняя и великодушная дружба ко мнѣ г-жи Софіи Бизи, заставившая ее окружить мое бѣдное имя чѣмъ-то въ родѣ легенды, въ то время, какъ достаточно было одной только правды, чтобы доказать, что все написанное мною было прочувствовано, и что я искренно и всею душой любила, ненавидѣла, мучилась и плакала,

— И еще вотъ что, сеньора, имѣю я сказать вамъ, прежде чѣмъ кончить. Вѣрно, что я уже болѣе не въ Мотта-Висконти, вѣрно, что теперь имя мое (не знаю, счастье ли это?) пользуется извѣстностью. Но все-таки я не живу въ томъ мірѣ, какъ вы думаете, въ вашемъ мірѣ; я живу и всегда буду жить среди тѣхъ, кто трудится, страдаетъ и борется. Мнѣ 24 года и я уже столько выстрадала и, самое главное и самое важное, столько видѣла вокругъ себя несчастныхъ и несправедливо страдающихъ, что, пока у меня останется хоть капля крови, пока я сохраню хоть крупицу характера и искру ума и таланта, я всегда, съ высоко поднятою головой, буду воспѣвать народъ, буду воспѣвать его печали и скорби и честныя битвы, битвы безъ на-

силія, безъ ненависти, безъ пролитія крови, во имя прогресса, справедливости и любви!»

Хотя послѣдній сборникъ стихотвореній Ады Негри, «Бури», и имѣлъ блестящій успѣхъ въ Италіи, тѣмъ не менѣе на этотъ разъ раздалось и нѣсколько неодобрительныхъ и недовольныхъ голосовъ. Очень уже выдающійся успѣхъ, выпавшій на долю перваго произведенія какого-нибудь начинающаго писателя, ведетъ за собой всегда то неудобство, которое пришлось испытать на этотъ разъ и Адѣ Негри, что въ слѣдующемъ за нимъ произведеніи труднѣе угодить какъ друзьямъ, ждавшимъ чего-то уже очень необычнаго, такъ и критикѣ, повысившей свои требованія, и, наконецъ, даже почитателямъ съ ихъ наивнымъ восторгомъ. Одни разочаруются, если авторъ вступитъ на новый путь, другіе жалуются, напротивъ, на однообразіе, третьи не видятъ требуемаго ими прогрессированія таланта.

Такъ случилось и съ Адой Негри. Рядомъ съ похвалами и восторгами слышались и голоса, упрекавшіе писательницу за однообразіе мотивовъ и сюжетовъ, однообразіе риторическихъ приемовъ, преувеличеніе и раздутость образовъ. Критики ставили ей даже на видъ нѣкоторыя техническія неправильности и ошибки версификаціи, хотя въ то же время весьма вѣскіе критическіе цѣнители отвели новой поэтессѣ мѣсто между «Коринной и Сафо». Нельзя не защитить Аду Негри отъ несправедливаго упрека въ однообразіи моти-



вовъ. Неужели же могли думать, что развѣ лично ея обстоятельства поправились, развѣ ей самой не приходится уже больше мыкать нужду и бѣдность, она перестанетъ чувствовать горе другихъ несчастныхъ и угнетенныхъ; неужели же могли ждать, что она теперь начнетъ воспѣвать жизнь, видѣнную ею до того съ тѣневой стороны, не иначе какъ въ розовомъ свѣтѣ? Если бы Ада Негри была способна на такое быстрое превращеніе, то нельзя было и довѣрять искренности чувства, заставлявшаго ее раньше издавать столь пламенные крики горя и негодованія. Въ новую, болѣе свѣтлую жизнь ея послѣдовали за ней и тѣни того міра, въ которомъ сама она такъ долго страдала.

Другой же упрекъ,—упрекъ въ нѣкоторыхъ маленькихъ неровностяхъ или, вѣрнѣе, въ эстетическихъ ошибкахъ и неправильностяхъ—болѣе справедливъ.—У Ады Негри дѣйствительно встрѣчаются иногда слишкомъ громкія, риторическія, цвѣтистыя выраженія и образы, но они въ сущности неважны и совершенно теряются въ массѣ остальныхъ, сильныхъ и прекрасныхъ стихотвореній.

Новый сборникъ свой Ада Негри назвала довольно удачно «Бури». Буря дѣйствительно весьма родственная элементъ итальянской поэссы, такъ же какъ и преобладающее въ ней настроеніе—боевое, съ увѣренностью побѣды. Но рядомъ съ этимъ сколько въ ней гуманности, сколько нѣжной любви и состраданія,

сколько рѣшимости жить и пѣть только для обездоленныхъ и безрадостныхъ.

Душа поэтессы, закаленная въ одиночествѣ, до того рвется ко всѣмъ одинокимъ, безрадостнымъ и больнымъ, что Ада Негри великодушно отказывается отъ радостей жизни для блага еще болѣе несчастныхъ, чѣмъ она. Эти чувства самопожертвованія высказываются ею въ прелестномъ стихотвореніи, кончающемся слѣдующими двумя прелестными строками:

«Любовь и страданья безконечны.»

«Любовь и страданія—великія слова, но они такъ же стары и не новы, какъ и всѣ основныя и главные мотивы поэзіи Ады Негри», говоритъ придиричивая критика. Почему же ея поэзія имѣетъ такой колоссальный успѣхъ?! Въ чемъ заключается тайна побѣды итальянской молодой поэтессы надъ людскими сердцами всего культурнаго міра? Вникнемъ глубже въ психологію, если можно такъ выразиться, успѣха Ады Негри.

Круговоротъ жизненныхъ явленій, ихъ водовъ и причинъ въ постоянномъ движеніи, и все на свѣтѣ происходитъ «почему-нибудь». Къ сожалѣнію, природа, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ нашего пониманія, не задалась идеей дѣйствовать «для чего-нибудь», представивъ человѣчеству находить лишь утѣшеніе въ объясненіи себѣ причинъ того или другаго явленія. Видоизмѣненіе талантовъ и ихъ характера также не случайно, конечно,

Оно есть всегда выраженіе уже назрѣвшаго, хотя часто безсознательнаго настроенія, какъ запахъ полей отъ готоваго къ жатвѣ колоса.

Именно въ Италіи должна была народиться муза, подобная Негри, и теперь какъ разъ время, когда общее положеніе страны должно было найти себѣ выраженіе въ такихъ словахъ горя и слезъ.

Милитризмъ истощилъ Италію какъ ни одну страну. Только климатъ спасаетъ еще ее... но число голодныхъ и несчастныхъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

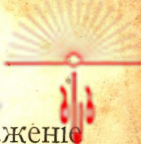
О ужасъ, о позоръ этого европейскаго по-мѣшательства, превратившаго народъ въ ка-кого-то одичавшаго скорпіона, высасывающаго и пожирающаго самого себя подъ звуки барабана и лживыхъ, трезвонныхъ словъ...

Хлѣба, хлѣба!—стонетъ Италія,—хлѣба въ обмѣнъ этихъ пушекъ и шпоръ, купленныхъ цѣною столько слезъ и голодныхъ дней...

Хлѣба, хлѣба—leit-motiv всей поэзіи Негри.

Ада Негри поистинѣ «дочь народа». Проживъ все свое дѣтство и юность въ народной средѣ, переживъ вмѣстѣ съ нимъ столько матеріальнаго горя и нужды, она любитъ этихъ обездоленныхъ, какъ дѣйствительно близкихъ себѣ людей, любитъ, жалѣетъ и плачетъ съ ними. Пока у нея во всѣхъ стихотвореніяхъ полное преобладаніе чувства.

Она не задается ни однимъ вопросомъ о причинѣ или исходѣ этого вѣчнаго страданія. Ея поэзія носитъ рефлেকторный характеръ и



есть какъ будто безсознательное отраженіе того, что она, или другіе кругомъ нея переживаютъ.

Она нигдѣ въ своихъ произведеніяхъ не указываетъ, какія нужно примѣнить цѣлебныя и дѣйствительныя средства, чтобы разъ навсегда излѣчить больное измученное общество...

Антитеза между счастливыми и злосчастными, изнуренными чрезмѣрною работою, рисуется ея восхищенной фантазіей непримиримую въ будущемъ...

Ужасная картина работы въ шахтахъ поражаетъ на примѣръ еѣ, и она сейчасъ же пишетъ стихотвореніе на эту тему. Кругомъ нея всѣ трудятся, въ потѣ лица зарабатываютъ кусокъ хлѣба; ея собственная мать, чтобы прокормить свою малютку, на долгіе часы уходитъ на фабрику, и Ада «на живомъ родномъ примѣрѣ» учится уважать трудъ, любить только тѣхъ, кто трудится. Она такъ идеализируетъ трудъ, что всѣ, кто не плебеи, кто не работаетъ и не кормится страшнымъ тяжелымъ, подчасъ грязнымъ, но самымъ необходимымъ для жизни трудомъ, представляются ей ничтожными и достойными презрѣнія.

Констатируя постоянно ненормальное со-





стояніе рабочаго, Ада Негри, бессознательно для себя самой, можетъ-быть, наводитъ читателя на массу чувствъ и мыслей... Ея творчество можно уподобить первобытному искусству, когда человѣкъ изображалъ только то, что видѣлъ; нигдѣ не разсуждаетъ она; въ ея стихотвореніяхъ не найти ни одной ясно сознанный идеи. Набрасывая картину того или другого положенія, она предоставляетъ читателю выводить свои заключенія и дополнять образы той или другой заключительной мыслью...

Стихотворенія, заключенныя въ сборникѣ «Судьба» (Fatalità), значительно превышаютъ своими достоинствами ея сборникъ подъ заглавіемъ «Бури» (Tempeste). Возьмемъ для примѣра ея стихотворенія «Подъ ножомъ». Проникнутое отчаяніемъ за бѣдныхъ страдальцевъ, это стихотвореніе даже кончается словомъ «Maledizione». Это крикъ измученной души, это — проклятiе судьбѣ и своему страданію.

Большое горе, сильное страданіе такъ поглощаютъ обыкновенно свою жертву, что все то, что соприкасается съ нимъ, представляется ничтожнымъ и маловажнымъ по сравненію съ этою конкретной и живой болью. Ада

Негри распространяетъ это субъективное чувство на всю свою братію. Если прочесть внимательно всѣ ея стихотворенія и сдѣлать общій выводъ ея идей, не касаясь художественности ихъ изображенія и патетичности нѣкоторыхъ пьесъ, придется такъ оформить ея общественное міросозерцаніе, стремленія ея души и ума: народъ, трудящійся, изнемогающій народъ—страдаетъ. Онъ лишенъ всѣхъ утѣшеній, у него нѣтъ даже насущнаго хлѣба. Другіе, тамъ, всѣ тѣ, кто не работаетъ руками, наслаждаются всѣми земными благами. Пока обездоленные на этомъ жизненномъ пиру не получаютъ всего, что имѣютъ ихъ жадные братья, ей нѣтъ ни до чего дѣла, пускай все остановится,—она не знаетъ, ничего не хочетъ знать внѣ этого желанія.

Культура въ широкомъ смыслѣ слова нисколько не занимаетъ пока ея. Хлѣба, хлѣба проситъ она для своихъ ближнихъ,—это ея вѣчный и единственный напѣвъ.

Обнаруживъ нѣкоторую оригинальность и односторонность пониманія строя общественной жизни и сложности ея ошибокъ, Ада Негри остается все-таки великолѣпной въ своей области. Ея картины матеріальной нужды, холода и голода неподражаемы. И языкъ ея, когда она говоритъ о нищетѣ, полонъ увлеченія и захватывающаго экстаза.

Во всей непосредственности своей молодости Ада Негри не всегда минорно относится къ нищетѣ. Въ *pendat* къ «Autopsia»



можно назвать стихотвореніе, написанное въ мажорномъ тонѣ: «Buon di miseria» — тоже вызовъ нищетѣ, но тутъ Негри старается смѣяться ей въ лицо, и несмотря на то, что нищета наступаетъ, она поетъ гимнъ жизни.

Не только въ приведеніяхъ, но и въ наружности Ады Негри свѣтится огонекъ ея индивидуальности... Она сильная брюнетка, съ задумчивыми, глубокими глазами, съ той особенной прелестью выраженія, которое дано всѣмъ глубоко мыслящимъ и поэтому сильно страдающимъ людямъ.

Всѣ инстинкты сильны и живы въ ней. Инстинктъ материнства уже дрогнулъ въ ея душѣ («Istinto materno», «Figlio» «Sorrisi»), и она не стыдится его, напротивъ, она радуется этому новому чувству, просто и откровенно говорить о немъ.

Нѣкоторые критики даже предпочитаютъ лирическія стихотворенія Негри всѣмъ остальнымъ ея вещамъ.

Чудесный призывъ къ землѣ и къ работѣ очень часто звучитъ въ ея стихахъ. Толстой могъ бы взять себѣ его эпиграфомъ ко всѣмъ своимъ послѣднимъ статьямъ, гдѣ онъ громитъ городскую цивилизацію и зоветъ къ землѣ... Но у Ады Негри этотъ призывъ еще жизненнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ у нашего великаго романиста.

Въ силу этой свѣжести чувства такъ хороши и лирическія стихотворенія Негри.

При такомъ преобладаніи чувства, какое

замѣчается въ стихотвореніяхъ Негри, теоретическая работа могла бы только испортить ихъ. Она, говорятъ, никогда не работала надъ своими произведеніями, никогда не перечитывала и не поправляла ихъ. Ея стихотворенія выливались изъ-подъ пера непринужденной, безсознательной струей, какъ льетѣя ароматъ фіалки, согрѣтой теплотой солнечныхъ лучей. И, вспомнивъ, что ей недавно минуло 20 лѣтъ, многое сдѣлается понятнымъ въ ея поэзіи, и мы не рѣшимся требовать отъ нея того, чего она не можетъ дать. Извѣстный нѣмецкій критикъ Гейзе въ своей послѣдней статьѣ о ней подсмѣивается надъ черезмѣрнымъ самодовольствомъ молодой поэтессы. Откуда онъ его выкопалъ,—жизнь и произведенія Ады Негри совершенно свидѣтельствуя намъ о другомъ,—мы не понимаемъ, и это надо приписать пылкой фантазіи «нѣмецкаго Брандеса» и цѣликомъ отнести къ тому, что всякій «нѣмецкій человѣкъ», въ особенности «критическій», не прочь вновь «выдумать обезьяну» и подложить свинью чужеземному автору, обвиняя его въ томъ, чего онъ и во снѣ не видѣлъ. Для нѣмецкаго «критическаго» человѣка кажется очень остроумнымъ высмѣивать Аду Негри, когда она говоритъ о себѣ, что она «памятникъ надъ могилой друзей» и называетъ себя «стойкой, подобно дубу». Но виновата ли она въ этомъ? На то дана человѣку молодость, чтобы, превеличивая свое значеніе и свои силы, стре-



миться къ тому, чтобы объять, какъ говорится, необъятное. Этою болѣзною болѣли всѣ безъ исключенія геніи, и даже на старости лѣтъ и на краю холодной могилы. Скептицизмъ вообще, а тѣмъ болѣе скептицизмъ и недоувѣріе къ себѣ, неуувѣренность въ своихъ силахъ никогда не были двигателями челоувѣчества и, желающей узнать тайны земли и неба, культурной челоувѣческой мысли. Пусть чувство дряблага сомнѣнія и ординарной «собачьей старости» останется удѣломъ осени и зимы нашего бытія, когда уже все пройдено, все испытано, все quasi—понято, а самое главное—пріѣлось и надоѣло, и наскучило. Но такая «буржуйская» скука не удѣлъ и не назначеніе такихъ бурныхъ натуръ, какъ Ада Негри. Девизъ ея:—«впередъ безъ страха и сомнѣнія на помощь всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ»! Разъ есть увѣренность въ себѣ, недалеко и до желанія «понять, перестрадавъ, все», и что почему-то оказывается на языкѣ Гейзе самодовольствомъ и самообольщеніемъ. Настоящаго же тупого довольства, какимъ голословно надѣляетъ Негри нѣмецкій критикъ, у нея нѣтъ и тѣни. Почти всѣ ея темы альтруистическаго содержанія; она вѣчно живетъ съ другими и за другихъ. Какъ сравнить ее, на примѣръ, съ Башкирцевой, у которой нѣтъ ни одной мысли, ни одного чувства внѣ ея самой? Извѣстно, что у Ады Негри есть два стихотворенія, посвященные ея памяти; вѣроятно итальянская поэтесса знала Баш-



кирцеву, не читая ея сама, а по статьямъ и портретамъ, проникшимъ и въ итальянскую газетную печать, иначе демократическій складъ ея души и чуткость къ горю другихъ людей возмутилось бы эгоистическимъ міросозерпаніемъ и тѣмъ исключительнымъ, почти языческимъ себялюбіемъ и самообожаніемъ, которыми пропитанъ и «безцеремонно щеголяетъ» съ каждой своей страницы дневникъ талантливой, но совершенно исковерканный жизнью, русской художницы Маріи Башкирцевой. Но, можетъ-быть, Ада Негри и знакома была лично или читала дневникъ «преlestной русской», и, какъ поэтесса, одаренная отзывчивымъ сердцемъ и ясной, доброй душою, забыла всѣ недостатки, всю лицемѣрную ходульность и необъяснимую рисовку юной Башкирцевой, и искренно полюбила ее за ея безусловно невыносимыя страданія, за сознаніе ранней смерти, когда впереди ее ждали счастье и начинавшая уже улыбаться слава. Впрочемъ, очевидно, Аду Негри тоже, какъ многихъ другихъ, прельстиль, повторяемъ, романтическій обликъ рано погибшаго таланта и прелестный образъ не расцвѣтшей, и не вкусившей жизни, юной красавицы.

Дѣйствительно возмутительно насиліе смерти надъ всякимъ живымъ существомъ и этотъ законъ тѣмъ болѣе ужасенъ, когда онъ предъявляетъ свои права и уничтожаетъ молодую жизнь, полную силъ и обѣщаній. Но не слѣдуетъ забывать крайнюю молодость,



читая Негри. Понятно, что будь ей не 20 лѣтъ, когда она писала свой стихотворенія, требованія, предъявленныя ей, были бы совсѣмъ иныя и то, что иногда вызываетъ теперь улыбку у разныхъ придирчивыхъ критиковъ, вызвало бы тогда, можетъ-быть, гримасу и у скептика читателя. Общее сужденіе о ней также преждевременно.

Благодаря чему же, повторяемъ, Ада Негри сдѣлалась такъ быстро всеміро - извѣстной? Такъ ли великъ ея поэтической талантъ? Такъ ли оригинальны руководящія ея идеи? Безспорно, Ада Негри очень талантлива, но при другихъ обстоятельствахъ этому таланту пришлось бы дольше стучаться въ преддверіе извѣстности. Языкъ ея страстенъ, подчасъ увлекателенъ, но далеко, если слишкомъ строго разбирать, не всегда безукоризненъ, иногда даже не литературенъ. Въ чемъ же причина такого увлеченія поэзіей Ады Негри, такого успѣха этихъ двухъ маленькихъ томовъ «Fatalità» и «Tempeste»?

Въ ея мотивахъ и еще — въ ея личномъ образѣ. Она систематично затрогиваетъ область, рѣдко вдохновляющую поэзію, она — адвокатъ обездоленныхъ и несчастныхъ, она плачетъ о всѣхъ обиженныхъ судьбой и людьми.

Разрѣшеніе выдвигаемыхъ ею вопросовъ на очереди не только у науки, но у цѣлыхъ народовъ. Убѣжденные его сторонники естественно интересуются всѣмъ и выставляютъ все то, что можетъ украсить ихъ слова, убѣ-



дять лишнее сердце; индифферентные къ ихъ теоріямъ растроганы картиной собственной участи молодой поэтессы, ея личнаго горя, ея судьбы. И тутъ образъ Ады Негри, интересный и романтическій, ея 20 лѣтъ, ея жизнь въ глуши заканчиваютъ впечатлѣніе, влекутъ къ ней всѣ чуткія души, несутъ симпатіи разнообразнѣйшихъ людей. Утомленный горожанинъ ищетъ и находитъ въ ея произведеніяхъ спасеніе отъ одуряющей его душу и тѣло «праздной усталости»; измученный жизнью, борьбой за существованіе и даже за корку черстваго хлѣба, рабочій находитъ въ ней спасительную надежду, видя, какъ она жизненно и прочувствованно изображаетъ его непосильный трудъ, его муки, и ему, при чтеніи подобныхъ произведеній кажется, что онъ не одинъ, и что непосильный гнетъ его понять и раздѣлеть невѣдомымъ, но близкимъ ему другомъ. Даже одервенѣлый въ погонѣ за наживой, тупоумный буржуа—и тотъ читаетъ съ удовольствіемъ ея произведенія; они, положимъ, бьютъ его не въ бровь, а прямо въ глазъ, но онъ не можетъ въ душѣ не сознаться, что поэтесса говоритъ ему правду, и въ тайникахъ его затемненной и огрубѣлой души шевелится: «да, я дѣйствительно, дѣлаю много зла»... Человѣческая душа тѣмъ и божественна, что она склонна къ раскаянію. Нужно только сумѣть вызвать эту «душу живу» изъ-подъ сплошнаго, грязнаго, и совсѣмъ было не поту-



шившаго ее своимъ гніеніемъ, навоза. Ада же Негри это дѣлаетъ въ совершенствѣ, и вотъ почему весь культурный міръ преклоняется передъ ея замѣчательнымъ талантомъ, страдальческой жизнью и красотой ея настоящаго, божественнаго, человѣческаго образа.

Субъективность многихъ мотивовъ ея горя увеличиваетъ интересъ къ ней, подкупаетъ тѣхъ, которые съ такой жадностью стремятся проникнуть въ душу писателя, поднять занавѣсъ отвлеченности, материализировать каждое впечатлѣніе, если возможно—каждое чувство.

И вотъ будучи интересной, подчасъ близкой массѣ такихъ людей, Ада Негри сдѣлалась необыкновенно быстро не только итальянской, но почти всемірной извѣстностью. Статьи о ней стали появляться во всевозможныхъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, швейцарскихъ журналахъ и газетахъ.

Иностранцы большею частью трактовали ее съ одной точки зрѣнія—общественно-гражданскаго характера ея поэзіи. Въ Италіи были и критики ея литературныхъ заслугъ, но полемика о ней также вертѣлась на значеніи мотивовъ ея поэзіи. Югъ и сѣверъ Италіи лишній разъ высказывали по поводу нея всю разницу своей культуры, темперамента, вку-



совъ и міросозерцанія. Всѣ, кто бывалъ въ Италіи, знаютъ, какая бездна лежитъ между ломбардцемъ и неаполитанцемъ.

Ада Негри явилась поводомъ раздора, за который такъ яростно хватаются люди различныхъ убѣжденій, радующіеся случаю прокричать погромче свои мысли и, если можно, уничтожить противника. Сама Ада Негри не высказалась въ этомъ спорѣ. Пока она известна намъ только въ сферѣ своего чувства, которое сумѣла передать и своимъ читателямъ.

Молодость всегда нѣсколько односторонняя, и слава юной Негри, что темой своихъ стихотвореній она выбрала тѣхъ, кто страдаетъ, тѣхъ, чей плачъ такъ часто заглушается свистомъ и грохотомъ машинъ, тѣхъ, чью обездоленную жизнь и преждевременную смерть стараются забыть даже и самые порядочные изъ «буржуа».

«О, сытый міръ,—говоритъ Ада Негри въ одномъ, трудно укладываемомъ въ русскій стихотворный размѣръ, стихотвореніи,—бессовѣстныхъ буржуа, питающихся счетами и аферами, міръ упитанныхъ милліонеровъ и юныхъ кокотокъ, малокровныхъ женщинъ, посѣщающихъ мессу ради свиданія съ любовниками... Ты, лживый міръ, хочешь отнять у меня солнце идеала, ты, трусливый пигмей, хочешь обрѣзать мои крылья? Ты шипишь, а я летаю, ты зѣваешь, я пою. Ты лжешь, сплетничаешь, клеветешь, но я тебя презираю. Съ небесной тверди улыбаются мнѣ зо-

лотыя чары поэзіі, ты же купаешся въ грязи... Устремляя свой взоръ къ сверкающимъ звѣздамъ, я иду безоружная и одинокая, — противъ судьбы. И чѣмъ яростнѣе ты меня преслѣдуешь, тѣмъ могучѣе рвется изъ моей груди пророческое слово любви. Иди же, цошлый, сытый, невѣрующій міръ, по темному пути, къ погонѣ за деньгами и наслажденіемъ. Бичомъ моего страстнаго стиха казню я тебя прямо въ лицо!» Этимъ стихотвореніемъ начала Ада Негри свою литературную дѣятельность и свой сборникъ подъ названіемъ «Судьба». Когда въ 1893 г. вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ стихотвореній Ады Негри, обратившій на нее всеобщее вниманіе, судьба ея, бѣдной полуголодной сельской учительницы, быстро измѣнилась. Молодая талантливая писательница, какъ уже говорилось, немедленно была перевезена въ Миланъ, въ одно изъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь она преподавала въ качествѣ «professora» итальянскій языкъ и итальянскую литературу. Затѣмъ ей выхлопотали ежегодную пенсію въ 2000 фр.

Въ 1896 г. появился второй сборникъ ея стихотвореній подъ заглавіемъ «Бури» (Tempeste). Этотъ сборникъ сдѣлалъ ее знаменитостью. *Счастіе не переставало ей улыбаться*, но объ этой *улыбкѣ счастія* мы пока умолчимъ, чтобъ не нарушать общаго настроенія очерка, и сохранимъ ее до конца статьи объ Адѣ Негри... Много прелестныхъ стихотвореній Ада Негри



посвятила своей матери. Если образъ рано умершаго отца сталъ для Ады олицетвореніемъ незаслуженныхъ страданій, то фигура работницы-матери превратилась для нея навсегда въ символъ несокрушимаго, духовнаго величія. Ада Негри никогда не забывала своей кроткой, дорогой матери. Когда гнетущее чувство одиночества охватывало все существо молодой учительницы, затерянной въ глухой, чужой деревушкѣ Мотта-Висконти, только мысль о свиданіи съ матерью поддерживала въ ней бодрость и энергію въ безотрадномъ одиночествѣ. Въ первое же каникулярное лѣто она успѣшила исполнить свою завѣтную мечту. Какъ радостно забилося ея сердце, когда она на порогѣ простой, маленькой комнатки увидала вновь фигуру любимой матери! И какъ глубоко была потрясена дѣвушка, когда мать заболѣла тяжкимъ, смертельнымъ недугомъ! Какъ трогательно она молилась въ своихъ стихахъ, чтобы Богъ сохранилъ, даже цѣной ея собственныхъ здоровья и жизни, безцѣнную для нея жизнь!

Вотъ какъ умѣютъ хранить избранницы изъ простаго народа въ сердцѣ теплую и искреннюю, неподкупную любовь и привязанность къ тѣмъ, кто далъ имъ жизнь!

Въ захолустной тиши лѣсной деревушки Мотта-Висконти одинокая учительница такъ часто мечтала о любви. Вѣдь ей минуло только двадцать лѣтъ, и она была къ тому же настоящая поэтесса. Но за кого мечтала Ада Негри



выйти замужъ?! Конечно не за тунеядца-богача, а за простого рабочаго! Какъ сбылись ея искреннія мечты, читатель узнаеть также послѣ... въ концѣ статьи. На самомъ дѣлѣ, какъ Ада Негри могла бы полюбить «каменнаго буржуа», — жизнь и вся поэзія ея служатъ яркимъ доказательствомъ самаго яраго протеста противъ такого «пошлаго брака и безнравственнаго счастья». Рабочаго, только рабочаго можетъ полюбить она, чтобъ съ нимъ вмѣстѣ, рука объ руку жить, трудиться и страдать.

Одинокая сельская учительница въ Мотта-Висконти воображала себя часто не только женой, но также матерью. Она мечтала, что сынъ ея будетъ расти и крѣпнуть, стремясь къ идеалу душой, руками къ труду, сердцемъ къ Богу! Онъ станетъ ратовать честно и смѣло за принципы матери! Онъ будетъ яримъ борцомъ за право трудящагося народа. Онъ превзойдетъ свою мать. Онъ будетъ великъ, какъ его мать, которая разъ поклялась быть великой и дѣйствительно сумѣла стать ею. Онъ поднимется на тѣ высокія вершины, которыхъ она не могла достигнуть. Ада Негри почти во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ говоритъ, что желаетъ такъ воспитать дѣтей, чтобы они любили трудъ, постоянно стремясь къ идеалу, чтобы они въ свою очередь продолжали въ грядущемъ расу непобѣдимыхъ и честныхъ борцовъ, расу воскресшихъ людей, которые пожнутъ среди пѣсенъ посѣвы



истины, выращенные кровью и думами матери. Ада Негри благоговѣтъ, конечно, передъ гениальными мыслителями и художниками, которые подарили міру, цѣной сплошныхъ лишеній и нечеловѣческихъ пытокъ и страданій, свои безсмертныя произведенія. Она еще охотнѣе готова преклониться передъ тѣми, которые пытаются устроить на землѣ болѣе справедливый порядокъ...

Въ поэзіи Ады Негри кристаллизованы слезы миллионовъ тружениковъ. Это не веселыя пѣсни, не праздничные диѳирамбы, а грустный плачь подъ тяжелой, безысходной долей и нуждой итальянскаго пролетаріата. Чуткое ухо поэтессы уловило вездѣ скорбныя стоны своихъ братьевъ по происхожденію и увѣковѣчило ихъ въ своихъ скорбныхъ пѣсняхъ.

Ада Негри не пессимистка. Она вышла изъ простонародной семьи, здоровой и нетронутой «оборотной стороной цивилизаціи». Она принадлежитъ къ общественному классу, который идетъ вверхъ, а не внизъ. Въ жизни сельской учительницы изъ Мотта - Висконти бывають, конечно, минуты разочарованья. Въ ея поэзіи звучать очень часто ноты меланхолии. Когда Ада Негри мысленно окидываетъ печальную судьбу, которая выпала на долю



ея матери и, которая стала ея собственным удѣломъ, то въ ея душѣ поднимаются мятежныя чувства, накипаетъ даже злоба. И не только несправедливый гнетъ судьбы волнуетъ мысль юной учительницы. Она страдаетъ также отъ того, что она поэтесса, когда въ нашъ вѣкъ, по ея собственному сознанию, геніальность есть преступленіе. Порою это меланхолическое настроеніе переходитъ даже въ острую физическую боль, завершается мыслями о самоубійствѣ, мечтами о нирванѣ. Тогда стихи Ады Негри напоминаютъ своимъ пессимистическимъ содержаніемъ поэзію Леопарди или Графа. Но здоровая крестьянская натура поэтессы торжествуетъ надъ этими болѣзненными настроеніями мимолетной тоски и малодушнаго временнаго утомленія. Ада Негри вспоминаетъ свое спасеніе, свой идеаль — родимую труженицу-мать. Она опять становится плотью отъ ея плоти. Она снова превращается въ «гордый дубъ» (выраженіе, такъ не нравящееся Гейзе), котораго не сломитъ ни одинъ ураганъ.

Ада Негри такъ страстно любитъ земную жизнь, что хочетъ быть вѣчно юной, на крыльяхъ облетѣть всѣ пространства, испытать всѣ радости, всѣ наслажденья, безъ конца любить и безъ конца смѣяться. Она лю-



бить лазурь неба, сверкающей огонь, святую землю, которой солнце дарит свой свет и жизнь, святую землю, это гигантское горнило, в котором без усталости кипит работа и слышен вечный гул и удары бесчисленных молотов и наковален. Она желает быть бессмертной. Она вѣритъ всей душой, что чудная жизнь на землѣ не можетъ прекратиться «безъ смысла и слѣда». Все перевоплощается. Все переходитъ незамѣтно и чудеснымъ образомъ по волѣ Провидѣнія въ другія, болѣе совершенныя и законченныя формы. «Пока не разобьется,—говоритъ она, вдребезги наша дорогая, милая и великолѣпная планета, душа будетъ жить: въ любви лилій, въ блескѣ полдня, въ блѣдныхъ лучахъ мерцающихъ звѣздъ, въ пропастяхъ моря, въ порывахъ вѣтра и въ тайнахъ всего мірозданія».

Если поэзія Ады Негри «звучитъ вначалѣ въ описаніяхъ «спутанной» жизни людей, какъ похоронный маршъ надъ темной долей страдающихъ и борющихся напрасно тружениковъ, то въ своихъ описаніяхъ жизни «чистой природы», поэзія ея переходитъ въ ликующіе аккорды въ честь бессмертной, дивной красоты, въ честь ея сияющаго символа—волшебника-солнца. Ада Негри знаетъ слишкомъ хорошо, какъ далеки отъ идеала настоящая человѣческая жизнь и болѣе сносное человѣческое существованіе. Вотъ почему она такъ часто любитъ заглядывать въ глубину





таинственной страны будущаго. По ея мнѣнію, эта далекая грядущая эра будетъ представлять изъ себя царство общечеловѣческаго мира и безусловной справедливости. Не будетъ безумныхъ, безбожныхъ войнъ, низводящихъ человѣка даже на болѣе низкую ступень, чѣмъ неразумное животное, не будетъ, наконецъ, безсердечія и равнодушія къ долѣ беззащитныхъ несчастныхъ.

Эта грядущая, далекая эра будетъ наконецъ обѣщаннымъ и такъ долго жданнымъ всеобщимъ счастьемъ!..

Таковъ «нравственный» портретъ—лучшаго слова не подберемъ—сельской учительницы, дочери крестьянина и фабричной работницы, стяжавшей своими безсмертными произведеніями себѣ всемірную славу.

А слава ея велика и не фальшива, и не раздута не по заслугамъ, благодаря безвременью и отсутствію настоящихъ великихъ талантовъ. Слава ея куплена любовью, страданіемъ, трудомъ, которые переполняютъ какъ ея удивительную жизнь, такъ и поразительную поэзію, ибо человѣчество не знаетъ ничего выше любви, страданія и труда и еще красоты, которая также живетъ и давно сіяетъ изъ-за всѣхъ страницъ твореній Ады Негри!

Ада Негри даетъ намъ всѣ основанія надѣяться, что въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ мощный и симпатичный талантъ молодой итальянской поэтессы развернется еще пышнѣе и роскошнѣе и не перестанетъ расти,



крѣпнуть и зрѣть. Теперь Ада Негри готовитъ къ изданію третій сборникъ «Maternità».

Оканчивая говорить о жизни и произведеніяхъ Ады Негри, я долженъ упомянуть о томъ, что я умышленно пропустилъ въ своей статьѣ. Ада Негри—вышла замужъ, и—увы!—не за рабочаго, какъ постоянно мечтала, а за очень богатаго негоціанта. Это событіе звучитъ грустнымъ, фальшивымъ аккордомъ въ чудномъ хорѣ ея поэтическихъ мыслей и подрываетъ немного ихъ искренность. Но такова жизнь. Наконецъ, презирающая богатство и соединенное съ нимъ тунеядство, поэтесса могла и въ обезпеченномъ щедро человѣкѣ найти «живую душу», которую она неосторожно отрицала въ своихъ произведеніяхъ. Быть-можетъ ея любовь положила къ ея ногамъ не однѣ только «брачныя ласки», о которыхъ такъ яро и «вдохновенно на разные лады» хлопочетъ г-жа Лохвицкая, но и свою волю и желаніе придти на помощь всѣмъ, воспѣтымъ избранницей, униженнымъ и оскорбленнымъ. О, если это такъ!? То изъ кажущагося только съ внѣшней стороны фальшиваго мотива, слышится такой чудесный и святой голосъ, что при самомъ отдаленномъ намекѣ на отзвукъ его становится всѣмъ легче жить и легче дышать.

---

Παρονο, πιο ειδικό και οριστικό  
Παρονο σύμφωνα με παλαιότερα ενδο  
συγγενή σημεία, όπως οι κινήσεις  
επίσης και άλλες υποκειμενικές γωνίες





СТИХОТВОРЕНІЯ.



## Работалъ-ли ты?!

Ты въ меня влюбился, сладкаго лобзанья  
Ждешь въ отвѣтъ на чувства страстныя свои,  
Хочешь ласки чистой, хочешь обладанья,  
Жаждешь ты весенней, дѣвственной любви.

Но скажи, знакомъ ты съ думой и тревогой,  
Ты сражался-ль храбро съ властною судьбой?!  
И, какъ трусь, не падалъ трудною дорогою,  
Чтобъ не быть сожженнымъ страшною грозой?!

На рукахъ могучихъ, покажи мозоли,  
Я узнаю: честный любишь ли ты трудъ?!  
Разскажи: страдалъ ты за людей до боли  
И какіе въ сердцѣ помыслы живутъ?!

Ты молчишь тревожно... Прочь отъ груди знойной,  
Свѣтскіе досуги воскреси опять  
И люби развратницъ съ думою спокойной,  
Золото не въ силахъ мною обладать.



О, когда-бъ до крови были стерты руки  
У тебя и чувствомъ радостнымъ богатъ,  
Попросилъ бы ласки ты за трудъ и муки,  
Попросилъ за подвигъ жизненный награду,

И съ разумнымъ смѣхомъ и съ тоской презрѣнья,  
Ты отвергъ богатство-бъ, биться сталъ съ судьбой,  
А въ умѣ суровомъ мысль своимъ рождениемъ  
Стала-бъ состязаться съ утренней зарей,

Я-бъ тобой гордилась и твоей нуждою,  
За твое-бъ несчастье грудь свою сожгла  
И смягчила битву грозную съ судьбою  
И тебѣ за горе жизнь бы отдала.

Ты же не трудился, свѣтскій обожатель,  
И живешь и видишь даромъ солнца свѣтъ...  
Ты и такъ заласканъ, счастья искатель...  
Уходи... Презрѣнье—для тебя отвѣтъ.

---



## П Ъ С Н Я \*).

Не пытайся вѣкрасть солнышка,  
Затемнить печальную луну,  
Розу смять рукою злобною  
И унять свободную волну.

Не боится солнце вѣрога  
И слѣпѣть безжалостныхъ людей;  
Въ подземелии не скроешься  
Отъ его живительныхъ лучей.

Затемнить луну пытаются  
Палачи—измѣнники любви;  
Слыша ложь она скрывается,  
Дарить облаку все муки свои.

---

\*) Это стихотвореніе переведено особымъ, никогда не употреблявшимся въ русскомъ стихосложеніи, размѣромъ.



Роза гибнетъ взоромъ скошена,  
Плачетъ горько о ней соловей,  
И гдѣ капнуть слезы, тамъ весною  
Явится кустъ съ сотней розъ - дѣтей.

Кто-жъ на время попытается  
Усмирить свободныхъ волнъ размахъ,  
Тотъ ужасной смертію погибнетъ,  
Обречетъ друзей на вѣчный страхъ.

---





## Несчастливая.

Плачетъ море, и слезы кипучей волною,  
Прижимаясь къ скаламъ, журчатъ...  
И безстрастное небо прониклось тоскою  
И, нахмурившись тучей свинцовой, съ грозою,  
Мечетъ стрѣлами огненный взглядъ.

Плачетъ море и трупъ молодой и прекрасный  
На груди своей зыбкой несетъ,  
Трупъ прелестный и чистый какой-то несчастной  
И защиту нашедшей отъ жизни ужасной  
Въ глубинѣ его гибельныхъ водъ.

Плачетъ море... И слышны въ немолчныхъ  
рыданьяхъ  
Горестъ мукъ, опозоренныхъ слезъ,  
Жажда свѣта, любви и лобзанья,  
И безумныя слышатся вопли страданья  
И проклятья осмѣянныхъ грезъ...



## О Т Д Ы Х Ъ.

Оконченъ день труда и мукъ, и униженья...  
На смѣну ночь въ нашъ мѣръ красавица грядеть,  
Она несетъ дары волшебнаго забвенья...  
Поконченъ цѣлый рядъ мучительныхъ заботъ.

Я дома у себя... Царить вездѣ отрада...  
Замолкъ и стихъ давно столичной жизни адъ...  
Повсюду полумракъ... Дрожить, горя лампада,  
Святые образá привѣтливо глядятъ.

Надѣла ночь на все фату и покрывало,  
Все успокоилось, забывши тяжкій трудъ,  
Отъ мукъ душа моя больная отдыхала,  
И грезы дивныя и рѣютъ и плывутъ...

Какая тишина въ углу моемъ убогомъ!  
Какъ весело мнѣ здѣсь спокойно и свѣтло,  
Я не сравню его и съ царственнымъ чертогомъ,  
Здѣсь солнце счастья явилось и зашло.



Я только здѣсь узналъ, что значить жить—трудиться!  
Я измѣнился здѣсь, сталъ зла и тьмы врагомъ...  
И обстановка вся и каждая вещица  
Мнѣ ясно говоритъ о счастіи быломъ.

Оконченъ день труда и мукъ, и униженья—  
На смѣну ночь въ нашъ міръ красавица грядетъ,  
Она несетъ дары волшебнаго забвенья...  
Поконченъ цѣлый рядъ мучительныхъ заботъ.

---



## Т у м а н ы.

Мрачно, какъ злые обманы,  
Вижу вдали я селенья,  
Не застилають туманы  
Мученья.

Воронъ летящій высоко  
Каркаетъ какъ-то уныло,  
Словно груститъ: недалёко  
Могила.

Сосны скрипятъ, сосны просятъ  
Духовъ безжалостной бури,  
Но, какъ траву, до лазури  
Ихъ скосятъ.

Я одинока. Жилища  
Нѣтъ и нието не добудеть,  
Кровомъ надежнымъ кладбище  
Мнѣ будетъ.



И не достигнуть мнѣ неба,  
Небо шлетъ людямъ презрѣнье...  
Крѡхи духовнаго хлѣба —  
Мученье.

---



## ЛЮБОВЬ.

О, милый, грудь рвется навстрѣчу къ груди...  
Не въ силахъ я сдерживать больше желанья,—  
Я много терпѣла на тяжкомъ пути,  
Я жажду объятій, я жажду лобзанья...  
Прижмися къ груди!

Мы боги, не люди, когда мы одни...  
О, дай отдохнуть отъ тернистой дороги,  
Пусть страстныхъ лобзаній сожгутъ насъ огни...  
Угаснутъ печали, угаснутъ тревоги...  
Съ тобой мы одни!

Какъ птичка цвѣткомъ защищаетъ себя  
И прячется въ листья отъ холода бури,  
Такъ снова я вижу, лобзая тебя,  
Сіянье счастливой и ясной лазури,  
Безумно любя!

---



## Полночь.

Дремлетъ садъ завороженный...  
Тишина кругомъ,  
Геній міра, въ ночь влюбленный  
Садъ покрылъ крыломъ.

Но тревожатъ страхъ и горе  
Вѣтеръ и во снѣ.  
И деревья сыпятъ слезы  
Въ мрачной тишинѣ.

Вѣтеръ тронулъ горькимъ словомъ  
Весь дремавшій садъ...  
Сонъ исчезъ съ своимъ покровомъ —  
Вѣтви говорятъ...

Вторять имъ цвѣты съ волненьемъ,  
Слушаетъ ихъ мгла,  
Подвергая осужденю  
Злыхъ людей дѣла.



Плачетъ мгла о мукахъ падшихъ,  
Совѣсти больной,  
И мечтахъ во тьмѣ увядшихъ  
Въ битвѣ роковой.

---





## Смерть кровельщика.

На крышѣ огромной красиваго зданія  
Онъ долго работаль—съ разсвѣта.  
Нужда и семья укрѣпляли сознанье,  
Протестъ исчезаль безъ отвѣта.

Онъ долго работаль... Ужь солнце высоко  
И время подходитъ къ обѣду...  
„Живѣе работай—обѣдъ недалеко“,—  
Съ восторгомъ сказалъ онъ сосѣду

И вдругъ поскользнулся... высоки палаты...  
Лежить искалѣченнымъ трупомъ...  
И люди, тревогой смертельной объаты,  
Стоять въ изумленіи глумомъ...

Проникнуты всѣ фарисейскимъ участиемъ,  
Всѣ смотрять на кровь съ любопытствомъ,  
Но скоро и съ болѣе страшнымъ несчастьемъ  
Сживутся съ какимъ-то безстыдствомъ,



И только жена и голодныя дѣти  
Кормильцевъ своихъ не забудутъ  
И грубыя, рабскія, тяжкія сѣти  
Корить, проклинать онѣ будутъ.

---



## Подъ колесомъ.

Сколько напрасныхъ мученій,  
Жизнь намъ даруетъ всегда...  
Нѣтъ, не найти облегченій,  
Нѣтъ, не смягчится бѣда!

Видѣлъ я: дѣвушки руки  
Въ зубья попали машинъ...  
Словно имъ надобны муки,  
Словно кровавыхъ картинъ

— Мертвыя души ихъ просятъ,  
Лучше-бъ узнали они  
Люди за хлѣбъ что выносятъ  
Жгутъ ихъ какіе огни?!

Гдѣ тутъ уроду боротся,  
Пламя нужды загасить,  
Сильнымъ порвать не придется  
Эту ужасную нить!



Господи! Дѣвушкѣ честной  
Гдѣ же работать безъ рукъ  
Въ чуждой странѣ неизвѣстной,  
Дышащей стонами мукъ!

И суждены подаянье,  
Жизнь бездомовныхъ калѣкъ —  
Это тому, чье желанье  
Было трудиться весь вѣкъ.

---



## Къ портрету М. Башкирцевой.

Нѣтъ, ты безсмертна, какъ волна  
И жизни смерть не обрываетъ...  
И ты царишь тамъ не одна, —  
Тебя безсмертіе лобзаетъ.

Живеть на небѣ красота,  
А ты всю жизнь ей посвятила,  
И не погибнетъ чистота,  
Тебя возвысила могила...

Но жаль, безумно жаль тебя:  
Земныхъ ты жаждала желаній  
И смерть, тебя навѣкъ сгубя,  
Не дастъ восторговъ обладаній...

---



## Памяти М. Башкирцевой.

Ты мертвая ближе ко мнѣ и до входа  
Въ предѣлы святого искусства,  
Чѣмъ эти живыя, но мертвыя тѣни народа  
И нѣтъ въ нихъ ни мысли, ни чувства.

Но я не одна, и другіе жрецы воплотили  
Всѣ грезы твои, всѣ мученья...  
Давно мы въ могилу тебя опустили,  
Но духъ твой даетъ наслажденья.

Попрежнему мысли твои такъ красивы,  
Какъ яснаго лѣта сіянье,  
И къ небу зовутъ насъ святыя мотивы,  
Суля намъ съ свободой сліянье.

---



## Уличный мальчишка.

Я вижу, какъ снуеть по улицѣ онъ людной  
Почти полунагой и цѣлый день не ѣвшій .  
Мальчишка уличный, смѣясь надъ долей трудной,  
Грязь знающій, не разъ и своровать сумѣвшій.

Должно быть у него родители въ темницѣ,  
Или работаютъ все время на заводѣ—  
Одинъ не занять онъ и улицу теплицей  
Считаетъ онъ, живя свободно на народѣ...

Бросаетъ камнями въ бѣгущихъ онъ животныхъ  
И сердце дикое ихъ мукой не смущалось...  
И страшно стало мнѣ за участь беззаботныхъ  
Такихъ же мальчиковъ. И кровью обливалось

Сознаніе мое. Мнѣ было жаль до боли  
Дѣтей заброшенныхъ... Что будетъ въ жизни съ ними,  
Какой на возрастѣ они добьются доли  
И будутъ честными иль трутнями пустыми.



Быть может, каторга вдали ихъ ожидаетъ  
И простираютъ имъ мученія больницы...  
Какъ жалко мнѣ васъ всѣхъ, какъ мысль моя  
страдаетъ  
По васъ, безкровныя и маленькія птицы!

Я плачу и томлюсь надъ вашимъ горькимъ рокомъ,  
Мечтаю васъ, какъ мать, согрѣть въ своихъ  
объятяхъ,  
Я въ дѣтствѣ, какъ и вы, безжалостно-жестокомъ  
Невзгоды видѣла и слышала проклятья.

---





## Фантазія.

Улетимъ на вершины блистающихъ горъ  
И сокроемся въ дѣвственный снѣжный покровъ,  
И пусть солнцемъ любитъся вѣчно нашъ взоръ  
И цѣлуетъ со страстью семью облаковъ.

Тамъ земля не унижитъ—возвыситъ нашъ духъ  
И до звѣздъ долетитъ и домчится мечта  
И ничто не встревожитъ божественный слухъ  
И забудемъ мы тяжесть земного креста.

Обновимся мы въ царствѣ таинственныхъ сновъ  
И, безумной любовью другъ къ другу горя,  
Обратимся мы въ царственныхъ, сильныхъ орловъ  
И туда полетимъ, гдѣ восходитъ заря.

Здѣсь же мы отъ тоски по святымъ небесамъ  
Никогда не постигнемъ и чувства любви!  
Нѣтъ, подъ снѣжный покровъ мы умчимся и тамъ  
Мы узнаемъ про свѣтъ и про силы свои.

---



## Утопленницѣ.

Людскія сердца холоднѣе, чѣмъ волны,  
Въ которыхъ нашла ты пріютъ,  
Попрежнему грубымъ насиліемъ полны  
Дороги, гдѣ борется трудъ.

Богатство глумится надъ тяжелой нуждою  
И бѣдность позоромъ клеймить;  
Законъ, напоенный любовью святою,  
Поруганъ, осмѣянъ, забытъ.

Ты хочешь опять на землѣ поселиться,  
Страдать и томиться опять,  
Чтобъ вновь за спасеньемъ къ волнамъ обратиться  
И снова ихъ холодъ лобзать.

---



\* \* \*

Ей нравятся одни мистическія лики  
И окружающій ихъ сумракъ вѣковой,  
Куда слова молитвъ, измученные крики  
Песутся изъ груди, надломленной грозой.

Ни горя, ни страстей она не испытала,  
Но грустью неземной она была полна;  
Тернового вѣнца, мученья идеала  
На ложѣ дѣвственномъ къ себѣ ждала она.

Блестая ангельской и чистой красотю,  
Она покоила свой взглядъ на небесахъ,  
Но дерзновенный взоръ съ таинственной тоскою  
Певѣдомый земной огонь зажегъ въ мечтахъ.

Онъ приковаль её съ таинственною властью  
Къ земному божеству. Грѣховная заря  
Взошла въ ея глазахъ и первой, юной страстью  
Забилась грудь ея, желаніемъ горя.



И вновь пришла она на тайное свиданье,  
Душой была его она въ дыму кадилъ  
И пепломъ сталь алтарь отъ страстнаго сянья,  
Лампада чистая горить среди могиль.

---



## ТѢНИ ПОГИБШИХЪ.

„Ты со мной, но волна беспокойной груди  
Не ласкаетъ, какъ прежде меня...  
Страсть промчалась, какъ вихрь, и ты хочешь уйти  
И въ тебѣ нѣтъ былаго огня...

Я узнать не могу прежнихъ милыхъ очей,  
Загасилъ ихъ какой-то туманъ,  
Ты слѣдишь за полетомъ безплотныхъ тѣней  
И объятій не просить твой станъ.

Грудь не ищетъ груди... И кровавой тоской  
Такъ зловѣще сіяетъ твой взоръ.  
Что-жъ случилось скажи мнѣ скорѣе съ тобой —  
На лицѣ ея читаю укоръ?!“

И ты мнѣ прошептала тревожный отвѣтъ:  
„О, когда я тебѣ отдаюсь  
И когда наслажденье — одинъ мой завѣтъ —  
Тѣни, тѣни вокругъ... Я боюсь...



Тѣни дѣвушекъ юныхъ, погибшихъ встають,  
Руки ихъ дорастають до насъ  
И на головы наши проклятья зовуть,  
Говоря, что не прѣбилъ нашъ часъ!

Онѣ были прекрасны и косы змѣей  
Ниспускались на мраморъ ихъ плечъ  
И сердца ихъ сгорали отъ страсти земной  
И казнилъ ихъ желанія мечъ.

Суждены имъ всѣмъ были коварной судьбой  
Только горе безмысленныхъ слезъ  
Изсушилъ ихъ несчастія горькаго зной  
И сгубили томленія грезъ.

Вижу женщинъ безумныхъ, гасившихъ любовь,  
Хоронившихъ мужей, сыновей,  
Сознаю ужасъ тѣхъ, кто горячую кровь  
Омывалъ съ лицъ родимыхъ людей.



И согнутыя бременем тяжких невзгодъ  
Тѣни идутъ ко мнѣ и грозятъ  
И, желая укрыться отъ всѣхъ непогодъ,  
Увлекаютъ себя въ грозный адъ.

Ты теперь понимаешь меня! Отчего  
Я дрожу обнимая тебя?!  
Отчего мое дѣтское тѣло мертво,  
Когда ты забываешь себя?!

Тѣни мрачныя идутъ кровавой тропой,  
Взглядъ ихъ ранить сильнѣе, чѣмъ ножъ...  
И въ минуты, когда я твоя, а ты мой,  
Шепчутъ мнѣ: „не уйдешь, не уйдешь!“

---



## Одна изъ многихъ.

Она явилась къ намъ изъ дальняго селенья;  
Деревни тишь на шумъ столицы промѣняла  
И обрекла себя на трудъ и на лишенья,  
Мечтая здѣсь найти хоть отблескъ идеала.

И какъ ошиблася! Холодной и бездушной  
Ей показалася надменная столица;  
Она-жъ лелѣяла въ своей мечтѣ воздушной  
Участье встрѣтить здѣсь и честно потрудиться.

Но честно жить одной безъ денегъ и знакомства  
Въ столицѣ мудрено... Повсюду униженья...  
Повсюду требуютъ отъ васъ низкопоклонства,  
Повсюду терніи, преграды и мученья...

Она нигдѣ у насъ не встрѣтила участья,  
А деньги взятыя замѣтно исчезали...  
Работы нѣтъ совсѣмъ... Дни горя и несчастья  
Вдали се въ свои объятія поджидали...



„Что дѣлать?! Гдѣ искать совѣта и подмоги?“ ✓

Шептала дѣвушка съ безумною тоскою...

„Куда ни посмотри: и роскошь и чертоги;

„А я стою одна съ протянутой рукой!.. ✓

„Сбылося все... / Мечты разбились и пропали, ✓

„Вдали виднѣтся холодная могила... ✓

„Лишенья горькія мнѣ сердце истерзали;

„Исчезло все навѣкъ; энергія и сила... ✓

„И смерть голодная стоитъ передо мною... ✓

„Иль мнѣ идти, какъ всѣ, обычною дорогой?!.

„И явно торговать своею красотою

„И быть камеліей презрѣнной и убогой!

„Нѣтъ, нѣтъ!..“ ✓✓✓

Ее нашли уже остывшей на постели...

Кровь запеклась давно... Въ груди зіяла рана...

Знакомые пришли; притворно пожалѣли

Что молодая жизнь окончилась такъ рано... ✓✓



Она явилась къ намъ изъ дальняго селенья,  
Деревни тишь на шумъ столицы промѣняла  
И обрела себя на трудъ и на лишенья,  
Мечтая здѣсь найти хоть отблескъ идеала..  
Нашла!..

---



\* \*  
\*

Удалися, муза!.. не терзай поэта,  
Онъ и такъ истерзанъ жизненной грозой;  
Просить онъ забвенья, ласки и привѣта,  
Хочетъ отдохнуть онъ, смятый весь борьбой,

Истомили сердце страшныя страданья...  
Злоба и коварство надломили грудь...  
Не сбылися грезы... Не сбылись мечтанья...  
Впереди лишенья и тернистый путь...

Соловей и звѣзды, и царицы-розы  
Не прельщаютъ сердце честнаго пѣвца;  
Стихъ его исполненъ ядовитой прозы,  
Какъ святое слово грознаго бойца...

Но для битвъ суровыхъ нужно много силы,  
Нужны перерывы, отдыхъ и покой.  
Чтобъ подъ сѣнь холодной и сырой могилы  
Не унесъ бы пѣсенъ нашъ поэтъ съ собой



Удались же муза—не терзай поэта;  
Пѣснь печали, мести мигомъ оборви...  
Просить онъ забвенья, ласки и привѣта,  
Просить чудныхъ звуковъ нѣги и любви.

---



## П О Э Т Ъ .

Не считай, милый другъ, за поэта того,  
Кто красиво поеть про мученья,  
А, быть-можетъ, и сердце застыло его,  
И смѣшны ему: грусть и волненья...

И, быть-можетъ, когда онъ поеть про любовь  
И весь міръ заключаетъ въ объятя,  
Не встревожитъ его ни позоръ, и ни кровь,  
Не захочетъ смягчить онъ проклятья...

Онъ, какъ вѣтеръ, свободенъ... Ни трудъ и ни гнетъ  
Познакомы ему, какъ невзгода,  
А послушай, какъ онъ вдохновенно поеть:  
„Мать свобода! Явися свобода!“

Онъ фразеръ—не поэтъ.. Настоящій поэтъ  
Слегъ живымъ и сокрылся въ могилу;  
Онъ созналъ, какъ ничтоженъ и мелокъ нашъ свѣтъ,  
И не тратитъ священную силу...

БОРЬБА И ЛЮБОВЬ.



Но наступить пора... Пробудится пророкъ, *и* *и*  
Какъ орелъ распахнетъ свои крылья...

Будетъ пѣть и громить беспощадно порокъ,

Будетъ <sup>разбавитъ</sup> всѣхъ проклипать за насилья. *свѣтъ - востокъ*

*это будетъ в скором времени*

---



## Отверженные.

Вы юноши! Въ глазахъ же старчески-усталыхъ  
У васъ горитъ развратъ—меня имъ не обжечь!..  
Задушить стыдъ въ объятяхъ вашихъ вялыхъ,  
Страсть для меня, какъ щитъ, такъ и казнящій мечъ!

Уйдите отъ меня... Не дѣвственнымъ вамъ зорямъ  
Молиться и любить ихъ чистыя тѣла...  
Спасайтесь, или васъ погубимъ, опозоримъ:  
Одна для васъ звѣзда съ любовію взошла,

Звѣзда продажности, насилія и рока  
Загубленной души и женскаго стыда, —  
Она полюбитъ васъ за деньги и до срока,  
Пока надъ ней самой не сжалится нужда.

---



## Языческій поцѣлуй.

Люблю я мускулы рабочаго простаго,  
Могучій станъ его, румянецъ смуглыхъ щекъ,  
Онъ мнѣ сулитъ порывъ блаженства неземнаго,  
Онъ дикій звѣрь въ любви... Онъ огненный потокъ...

Грудь у него скала... Волна и грязь разврата  
Не тронули его... Онъ многими любимъ...  
Не за костюмъ, за титуль и за злато —  
За что-жъ намъ хочется назвать его своимъ?!

За то, что дикій звѣрь, весь страстью ослѣпленный  
Живетъ и дышетъ въ немъ... Въ объятіяхъ его  
Забудется позоръ и страстию сожженный  
Стыдъ не забудетъ въ тотъ мигъ набата своего.

---





## Просьба къ смерти.

Безпощадная смерть, отойди  
И свое ледяное страданье  
Отогрѣй у меня на груди:  
Я исполню твои приказанья...

Безпощадная смерть, отдаю  
Я тебѣ свое нѣжное тѣло...  
Вижу я роковую ладью,  
Обнимай-же безстыдно и смѣло!

Безпощадная смерть не жалѣй  
Молодыхъ, неземныхъ очертаній  
И морщины косою своею  
На нихъ вырой въ минуты свиданій.

Безпощадная смерть лезвѣемъ  
Пощлуетъ меня ты замучай  
И, въ величьи спокойномъ своемъ,  
Солнце скрой отъ меня, словно тучей.



Только мать, мою милую мать  
Сохрани отъ своихъ ты объятій,  
За нее я готова отдать  
Юность, тѣло тебѣ безъ проклятій.

---



## Нашему вѣку.

Геніальность—преступленье  
Для безмысленныхъ людей  
И мечтамъ одни мученья  
Суждены въ странѣ страстей.

\* \*  
\*

Мысль и трудъ толпу пугаютъ  
И несчастья ей сулятъ;  
Люди вѣка сжечь желаютъ  
Умъ и сердце, словно ядъ.

\* \*  
\*

Всѣ живутъ, предъ глупымъ рокомъ  
Низко голову склоня...  
Тяжко быть средь нихъ пророкомъ,  
Тяжко жить, ихъ не кляня.

\* \*  
\*

Но проклятья не услышатъ,  
Не поймутъ стада звѣрей;  
Души ихъ насильемъ дышатъ,  
Не боится словъ ручей.



Милосердье, честь и совѣсть —  
Вы осмѣяны давно!..  
Безталанная вы повѣсть,  
Умереть вамъ суждено!

\* \*  
\*

А любовь!.. Нѣтъ, я не смѣю...  
„Критикъ жизни“, какъ шакаль,  
Разорветъ васъ за затылю,  
Скажетъ: „глупый идеаль“!..

\* \*  
\*

Геніальность преступленья  
Для бессмысленныхъ людей  
И мечтамъ одни мученья  
Суждены въ странѣ страстей.

---



## Надежда.

Грудь мою несчастье,  
Словно жаломъ ранить,  
Но лишь умъ возстанеть  
Ото сна, ненастье

Вихремъ злымъ умчится  
Къ людямъ всѣмъ усталымъ,  
Къ тѣмъ, кто съ духомъ вялымъ  
Съ жизнью хочетъ биться.

Какъ орель, высоко  
Мысль взлетить — за тучи,  
Будетъ съ страшной кручи  
Вспомянуть: далеко —

Тамъ осталось горе;  
Сердце, какъ и прежде,  
Вновь нашло въ надеждѣ,  
Какъ въ глубокомъ морѣ,

Жемчугъ и богатство  
Ласки хочетъ снова,  
Ищетъ вновь покрова  
У любви и братства.

---



## Брошенная.

Неволю, цѣлый день труда  
Я вытерплю шутя,  
Но только не отдамъ стыда  
За малое дитя.

Умру пусть лучше отъ затратъ  
Здоровія и силъ...  
Я хороша; одинъ развратъ  
Меня бы не сгубилъ.

Но не хочу я, чтобъ мой сынъ  
Позоромъ былъ вскормленъ  
И есть еще исходъ одинъ,  
Но только страшень онъ...

Я сыну буду палачомъ,  
Сама его убью,  
Чтобъ онъ не могъ проклясть потомъ  
Родную мать свою.

Пусть голосъ жалости въ груди  
Моей совѣмъ заглохъ,  
Не вижу я совѣмъ пути,  
Такъ пусть поможетъ Богъ!

---



И вновь тоскую я, на сердцѣ снова жутко  
И не надѣюсь я, увижу-ль вновь лазурь?!  
Мнѣ кажется: на вѣкъ сіяніе разсудка  
Загасятъ стоны этихъ грозныхъ бурь...

---



## Молитва.

Въ промозгломъ подвалѣ на смрадной рогожѣ  
Ребенокъ-подростокъ несчастный лежитъ...  
Смягчи ему муки, о Праведный Боже,  
Онъ всеми, сиротка, заброшенъ, забытъ.

Пошли ему радостныхъ грезъ и видѣній,  
Избавь передъ смертью отъ горя и слезъ...  
Онъ жилъ среди мрака, нужды, преступленій,  
Онъ слышалъ упреки, шумъ фабрикъ, колесъ.

Трудъ адскій сломилъ его силы... Какъ колосъ,  
Онъ палъ, убаюканный стукомъ машинъ...  
Я знаю, о Боже, не падаетъ волосъ  
Безъ воли Твоей! Ты защитникъ Одинъ!

Смягчи же мученья!.. Пусть ангелъ хранитель  
Сиротку любовью согрѣетъ своей,  
Пусть мачеха-жизнь и пусть голодь-мучитель  
Исчезнутъ подъ звуки небесныхъ рѣчей.

---





## Проклятіе любви.

Я дочь несчастія! Не смѣть грудь мою  
Копье любви пронзить...  
Любовь горячую въ себѣ я затаю,  
Чтобъ послѣ не тужить

Я дочь несчастія и дѣти для меня —  
Кровавая роса!  
Погубить и сожжетъ она ихъ безъ огня  
И выѣсть имъ глаза.

Я дочь несчастія! Сулитъ мнѣ грозный адъ  
Волненіе въ крови...  
О, сердце замолчи! Любовь—позоръ и ядъ  
И хуже ласкъ змѣи.

Я дочь несчастія... Замучаетъ любовь  
Меня—рабу труда...  
Пусть стынетъ безъ любви и леденѣетъ кровь  
И грѣетъ грудь нужда.

Я дочь несчастія! Любовь не для могиль,  
Она имъ не вѣрна!..  
Такъ пусть въ землѣ гниютъ остатки бурныхъ силъ  
И дней моихъ весна.

*унесено  
422*



## ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Вмѣсто предисловія. . . . .	3
Критико-біографическій очеркъ. . . . .	7
Подъ ножомъ. . . . .	47
Работалъ-ли ты? . . . . .	49
Пѣсня. . . . .	51
Несчастливая . . . . .	53
Отдыхъ. . . . .	54
Туманы. . . . .	56
Любовь. . . . .	58
Полночь. . . . .	59
Смерть кровельщика. . . . .	61
Подъ колесомъ . . . . .	63
Къ портрету М. Башкирцевой . . . . .	65
Памяти М. Башкирцевой. . . . .	66
Уличный мальчишка . . . . .	67
Фантазія . . . . .	69
Утопленницѣ . . . . .	70
Ей нравятся. . . . .	71
Тѣни погибшихъ . . . . .	73
Одна изъ многихъ . . . . .	76
Удалися муза. . . . .	79
Поэтъ. . . . .	81
Отверженные . . . . .	83
Языческій поцѣлуй . . . . .	84
Просьба къ смерти . . . . .	85
Нашему вѣку. . . . .	87
Надежда . . . . .	89
Брошенная . . . . .	90
Нищій. . . . .	91
Одушевленная природа . . . . .	92
Молитва. . . . .	94
Проклятіе любви. . . . .	95



5P

